

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ИДЕЯ ЧЕЛОВЕКОБОГА И ФОРМЫ ЕЁ
ВЫРАЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
СИСТЕМЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«БЕСЫ»**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.03.01 Филология, профиль Отечественная филология
очной формы обучения, группы 02031508
Погореловой Ксении Анатольевны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент
Кичигина В.В.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОЗДНЕГО ДОСТОЕВСКОГО	
1.1. Понятие «человекобог», «антихрист», «сверхчеловек».....	6
1.2. Идея человекобога как одна из центральных тем в творчестве Ф.М. Достоевского.....	14
ГЛАВА 2. ИДЕЯ ЧЕЛОВЕКОБОГА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА «БЕСЫ»	
2.1. Общественно-историческая обстановка в России и ее индивидуально-авторское отражение в романе «Бесы».....	21
2.2. Отражении идеи человекобога в образной системе романа Ф.М. Достоевского «Бесы».....	24
2.2.1. Николай Ставрогин.....	24
2.2.2. Петр Верховенский.....	32
2.2.3. Алексей Кириллов.....	36
2.2.4. Шигалев и «Общество наших».....	42
2.3. Отражение идеи Христа как богочеловека в художественной системе романа «Бесы».....	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
БИБЛИОГРАФИЯ	55

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Федор Михайлович Достоевский (1821-1881) – русский писатель, мыслитель, философ, публицист, творивший во второй половине XIX века, в период «Золотого века» литературы. В молодости увлекавшийся идеалистическими и революционными идеями, переживший каторгу, писатель пришел к православию. Тема Бога стала центральной в произведениях Достоевского. В «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах», «Подростке», «Братьях Карамазовых» прослеживается одна идея и один тип героя. Персонажи его романов проходят сложные испытания, проверку верой и безверием. В произведениях есть две центральные темы, тревожащие писателя, – это вопрос веры в Бога и вопрос о будущем России. Находя общее начало в этих двух вопросах, он пытался найти на них ответы, ставя перед ними героев своих произведений.

В 1872 году выходит роман Ф.М. Достоевского «Бесы». Он становится новой вехой в творчестве писателя. Центральной темой романа становится раскрытие идеи человекобога в русской действительности. Достоевский прослеживает эволюцию своих героев, зараженных идеями атеизма и поддерживающих теории превосходства отдельных людей над обществом.

Отражению атеистических идей в произведениях Достоевского, и в целом, и в романе «Бесы» посвящено много исследований. Этой проблемой занимались Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Д.С. Мережковский, К.В. Мочульский, Л.И. Сараскина, А.А. Бем, С.В. Белов, А.П. Скафтымов, В.И. Иванов, Л.П. Гроссман, В.В. Дудкин, А.В. Лесевицкий, С.А. Никольский, В.Г. Одинокоев и другие. Исследователи Достоевского уделяли большое внимание воплощению атеистических идей через библейские образы, но в творчестве Достоевского с религиозным трактованием тесно связано и нравственное обоснование.

Именно это и определяет **актуальность и новизну** нашего исследования в связи с тем, что анализ идеи человекобога еще не исчерпал себя ни с религиозных позиций, ни с позиций ценностно-нравственных.

Объектом исследования является роман Ф.М. Достоевского «Бесы»

Предметом исследования – идея человекобога в романе Ф.М. Достоевского

Цель работы – проанализировать особенности форм выражения идеи «человекобога» в указанном произведении.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

1. Определить содержание понятий «человекобог», «богочеловек», «антихрист», «сверхчеловек».
2. Рассмотреть, как отражен тип человекобога в произведениях Ф.М. Достоевского.
3. Выявить героев романа «Бесы», в которых находит свое отражение идея человекобога.
4. Проанализировать формы выражения идеи в героях романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

В процессе исследования нами были использованы такие **методы**, как метод описания, сравнения, анализа.

Структура выпускной квалификационной работы состоит из введения, где обусловлена актуальность работы по изученной проблеме; двух глав; заключения; списка литературы. В первой главе изложены теоретические основы исследования: трактовка понятий «человекобог», «богочеловек», «антихрист», «сверхчеловек» в науке, а также авторское понимание и отражение идеи человекобога. Вторая глава посвящена анализу героев и форм выражений идеи человекобога в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Заключение содержит основные выводы по предпринятому исследованию.

Работа была апробирована в выступлениях на конференциях «Белгородский диалог – 2019».

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ МИРОЗРЕНИЯ ПОЗДНЕГО ДОСТОЕВСКОГО

1.1. Понятия «человекобог», «антихрист», «сверхчеловек»

Понятие человекобога получило широкое распространение в XIX-XX веках. Оно являлось одним из центральных понятий в религиозных направлениях русской философии и неоднократно трактовалось ее представителями, согласно их личностным взглядам. Поэтому единого определения данного понятия в настоящее время не существует. В Энциклопедии русской философии происходит попытка сформулировать единое понятие. В книге мы видим следующее определение: «Человекобог – понятие, описывающее идею человека или естественного человека, который сделал из самого себя или которого сделали как бы богом» [Маслин: 2007, 998].

Многие философы, исходя из собственных метафизических концепций, вкладывают в определения свои смыслы. Владимир Соловьев видит в человекобоге недостижимый идеал идеи природного человека, предваряющей появление Богочеловека. Сергей Булгаков относит появление Человекобога к последствиям грехопадения, когда «человек остался один, – своим собственным господином» [Булгаков: 1994, 318]. Вышеславцев в своей работе «Этика преображенного Эроса» также писал об идее человекобога, видя ее суть в признании человека «единственным известным ему Богом».

Некоторые исследователи, например С.Л. Франк, отмечают в идее человекобога корни антрополатрии. «Антрополатрия – религиозные представления божества в человеческом виде, служившие предметом взаимных нападений учителей различных религий» [Брокгауз, Эфрон: 1890, 400]. Мнение не всех философов было одинаково категорично по данному вопросу. Например, религиозные философы-экзистенциалисты пытались соединить

антропологию и веру в Бога, считая человека и его свободу высшей ценностью. Другие же, наоборот, в этой свободе видели корни вседозволенности.

Идея человекобога широко была распространена и в западной философии. Там она получила не только обширное распространение, но и положительный отклик среди большинства научных и культурных деятелей. Человекобогом считается человек, который расширил границы своих прав и свобод. Главной ценностью является не все человечество в целом, а конкретные индивиды, в которых преобладают индивидуальные начала собственного «Я». Построение общества по законам, основанным на индивидуальности одной из частей общества, должно приводить к счастью и всемирному благополучию. Однако, многие исследователи и философы приходят к выводу, что данная аксиома не состоятельна. Так Владимир Соловьев считает, что достижение счастья возможно, если «действующий субъект обуславливает свое наслаждение (счастье, пользу) наслаждением (счастьем, пользой) других» [Соловьев: 1990, 591].

На западе идея человекобога стала популярна под влиянием философии Фридриха Ницше. В своем трактате «Так говорил Заратустра» он обосновал и раскрыл идею, сформировавшуюся под влиянием атеистических идей и европейского рационализма.

Единой трактовки термина сверхчеловека в настоящий момент времени в науке нет. Даже у Ницше мы встречаем две трактовки его концепции. Одна из них является преобразованной эволюционной теорией Дарвина. Немецкий философ продолжает биологическую теорию и высказывает предположение, что следующей ступенью эволюции, следующей за *homo sapiens*, будет появление более совершенного вида *homo supersapiens*.

По другой концепции сверхлюди не являются продуктами эволюции. Они уже существовали ранее, но были счастливой случайностью. Таким образом,

сверхчеловек, по этой концепции, – это *homo sapiens perfectus* – совершеннейший человеческий тип.

Однако такое двойное понимание происхождения сверхчеловека не несет отличий в содержании. И по одной и по другой концепции сверхчеловек мыслится, как «зрелый плод прогрессивного развития» [Знаменский: 2001, www].

Новый человек Ницше должен самостоятельно пройти по «мостикам», «радугам», которые приведут его к возвышению. Первый период ознаменован презрением ко всему мелкому и ничтожному в современном мире. Второй период уже является этапом любви к сверхчеловеку и к миру с новыми ценностями. Сверхчеловек на своем пути, проходя через страдания, должен развить в себе волю, здоровое самолюбие, внутреннюю мощь.

Ницше считает, что каждый человек должен пройти такой путь, поскольку произошел упадок прежней культуры и развенчание традиционных ценностей. Тезис о смерти Бога, как о ядре прошлых ценностей, становится центральным в диспозиции мира. Смерть Бога означает конец прежнего человека и рождение нового – сверхчеловека, который становится сам творцом мира и законодателем новых ценностей: «Умерли все Боги: ныне хотим мы, чтобы жил Сверхчеловек» [Ницше: 1990, 68].

Идея Ницше завоевала много сторонников в западной культуре, но все же были и те, кто не приняли образ, созданный философом. Критическую оценку новому видению мира дали С. Цвейг, Б. Рассел, указав на устремление идеи в бездну [Исаченко: 2014, 2087].

В русской интеллигенции также не было единого мнения. Многие представители философской мысли увидели в сверхчеловеке воплощенную идею зла, антихриста, являясь индивидуальной субъектной единицей антропологии и аксиологии [Беляев: 2012, 44].

В философии существует понятие богочеловека, которое неразрывно связано с человекобогом. Одни исследователи, например, Владимир Соловьев и многие последователи его учения считают эти термины диаметрально противоположными, другие, например, Павел Флоренский, Сергей Трубецкой трактуют их как близкие друг другу, не выделяя существенной разницы между ними.

Мы в своем исследовании придерживаемся мнения, что эти понятия не синонимичны.

Человекобог считает себя претендентом на место Бога, русские философы отвергают такую возможность, аргументируя свой ответ тем, что «невозможно, чтобы больше чем один действительный человек был в состоянии подняться до соединения с максимальностью» [Кузанский: 1937, 119].

Западные трактователи философии человекобога считают, что образ нового человека – это путь к счастливому переустройству мира, но путем преобразования отдельных субъектов. Таким образом, в человекобоге преобладают его индивидуальные начала. Тогда как характерной чертой русской ментальности является соборность. Следовательно, русские философы видят упадок идеи в ее индивидуальности и разобщении людей, стремящихся только к благам для самих себя: «Могу быть счастливым не иначе как в гармонии целого» [Иванов: 1994, 136].

Николай Бердяев противопоставляет человекобога и богочеловека. Он называет человекобога – «религией хлеба земного», а богочеловека – «религией хлеба небесного». Он считает, что религия хлеба небесного – это религия «великих и сильных», а религия хлеба земного – это религия слабых людей. Бердяев называет человекобогов людьми сиюминутных желаний и искушений: «соблазненный религией человек предает свою духовную свободу за соблазн хлеба земного» [Бердяев: 2006, 143].

В учебных пособиях и энциклопедиях мы также встречаем неоднозначные толкования. В кратком философском словаре видим следующее толкование: «Богочеловечество – это понятие русской религиозной философии, восходящее к христианскому учению о единстве «неслитном, неизменном, нераздельном, непреложном» божественной и человеческой природы Иисуса Христа» [Кириленко, Шевцов: 2010, 30]. При этом, авторы говорят нам, что понятие богочеловека – это сложное и неоднозначное понятие, и потому в словаре мы встречаем и другое толкование, противопоставленное первому варианту: «это и идеальное состояние человека как предел, завершение земного исторического процесса, и одновременно уподобление отдельного человека Богу как предел развития его личного совершенства» [Кириленко, Шевцов: 2010, 30].

В «Русской философии. Энциклопедии» Козырев называет Богочеловечество, одной из ключевых идей русской религиозной философии, восходящей к «христианскому учению о единстве божественной и человеческой природы Иисуса Христа» [Маслин: 2007, 88]. В «Православной богословской энциклопедии» Богочеловека трактуют «обычным определением понятия о лице Иисуса Христа», которое включает в себя понятия об ипостасном соединении в нем «истинного божества» и «истинного человека» [Лопухин: 1901, 863-864].

С. Булгаков обращался в своей философии к теме богочеловека, считая ее одной из главных русских идей. Философ является ее сторонником и противником гуманизма. Он считает, что через идею Богочеловека происходит обожение человека. Обожение – это понятие святоотеческого богословия, обозначающее соединение человека с Богом, богоподобие, озарение Божественным светом, приобретение христианином по благодати свойств, которые присущи Богу по естеству. А гуманизм, напротив, разрушает божественную природу человеческой души, являясь «новейшим вариантом старого иудейского лжемессианизма» [Булгаков: 1985, 348]. Н. Бердяев видит

отражение идеи богочеловества во всей христианской философии [Бердяев: 1990, 146].

Идея богочеловека разрабатывалась в основном в русской религиозной философии до революции и в эмиграции. В западноевропейской философии идея имела небольшую сферу рассмотрения, в связи с распространением в западноевропейской мысли атеистических идей.

Первым, кто рассмотрел проблему отношения между человекобогом и богочеловеком, задействуя данные понятия, был Ф.М. Достоевский: «Разворачивающая диалектика Достоевского основана на противополжении Богочеловека и человекобога, Христа и антихриста. Судьба человека осуществляется в столкновении полярных начал Богочеловеческих и человекобожеских, Христовых и антихристовых. Раскрытие идеи человекобога принадлежит Достоевскому» [Бердяев: 2006, 210].

Ф.М. Достоевский и некоторые другие философы разделяют мнение о библейском толковании: Богочеловек трактуется как Бог, а в образе человекобога видят Антихриста.

Термин антихрист получил широкое распространение в религиозных и философских текстах. Под антихристом понимают «посланное диаволом лицо, которое должно появиться незадолго до второго пришествия Христа на землю и сосредоточит все зло, существующее на земле, для борьбы против христианской церкви» [Брокгауз, Ефрон: 1890, 846].

Главным трудом, в котором раскрывается понятие антихриста и его существенные признаки является «Откровение Иоанна Богослова», или «Апокалипсис». Согласно нему, антихрист имеет двойное толкование. В широком понимании антихрист – это всякий, кто отвергает Иисуса Христа как сына Божьего. В узком понимании это наименование употребляется для обозначения индивидуального лица, который придет до Второго Пришествия Спасителя, создаст монархическое государство и объявит себя Богом.

В христианстве, например, в протестантизме, получила распространение другая, альтернативная версия, по которой антихрист будет не конкретным лицом, а противостоящая Богу злая сила. Однако Священное Писание ясно говорит об Антихристе как о человеке, который придет за 3,5 года до Второго Пришествия, сосредоточит в своих руках политическую и религиозную власть, создаст единое государство и будет править, истребляя христианство. В «Откровении Иоанна Богослова» нет ясного описания человека, который будет являться Антихристом. По нему, им будет еврей из колена Данова, родившийся от блудодеяния и воспитанный тайно, имя его не дается, а только число его имени 666, он и лжепророк его, который будет творить чудеса, будут требовать божественного поклонения. Смерть зверя наступит только непосредственно от Бога, Иисуса Христа.

В русской и европейской культуре долгое время миф об Антихристе был предметом религиозных толкований, но со временем его стали наполнять все новыми содержаниями, обусловленными историческим и культурным развитием общества, государственным строем, философскими воззрениями и многими другими причинами. Так как в Священном Писании не было указано имени и даты пришествия антихриста, то многие богословы, философы, писатели находили его черты в существующих реалиях.

Образ Антихриста выявляли в исторических деятелях, например в ряду императоров римской империи: Юлиане Отступнике, Диоклетиане, Нероне. Поскольку древнегреческие, древнееврейские и старославянские буквы соотносились с цифрами, то целая плеяда исследователей пыталась и пытается вычислить, в рамках науки гематрии, имя, которое соответствовало числу зверя. Например, имя Нерон включает в себя число 666: Н – 50, Е – 6, Р – 500, О – 60, Н – 50. Русские исторические личности тоже не были исключением, в свои времена антихристом считали: Алексея Михайловича, Никона, Петра I, А. Керенского, В.И. Ленина и многих других.

В России понятие антихриста появилось с начала возникновения христианства на Руси. Образ антихриста был отражен во многих церковных книгах и рукописях («Слово святого мученика Ипполита о Христе и Антихристе», «Слово святого Ефрема Сирина на пришествие господина, на скончание мира и на пришествие Антихриста»).

В разное время развития России противостояние Христа и антихриста мыслилось противоборством деревни и города, земледельческого устройства и капитализма. В 17 веке противостояния божественного и богохульного проявлялись в борьбе старообрядцев и никониан, обострившихся в связи с реформой патриарха Никона. В частности, Протопоп Аввакум считал, что антихрист уже на земле и создал государство свое. В 19 веке противоборство выразилось в столкновении славянофилов и западников. Многие русские писатели отражали новые веяния и состояния Российской Империи. М.Е. Салтыков-Щедрин видел проявление зверя в богатстве: «много тамо смарагдов, яхонтов самоцветных; золота, серебра тамо мешки полные, усладжай свою душеньку досыта <...> насчитала она мешков число зверино шестьсот шестьдесят шесть» [Салтыков-Щедрин: 1965, 135]. На заре XX века религиозные толкования были распространены в связи с революцией. Под давлением новых исторических реалий в кругах петербургской интеллигенции участились религиозно-философские встречи, в состав которых входили видные культурные деятели: Н. Бердяев, С. Булгаков, Д. Мережковский, В. Розанов.

Мнение о революции было неоднозначным. Одна часть культурной интеллигенции считала, что революция является апокалипсисом, другая, наоборот, видела воплощение государства антихриста в монархии: «Самодержавие от Антихриста» [Мережковский: 1991, www].

2.2. Идея человекобога как одна из центральных тем в творчестве Ф.М. Достоевского

В предыдущем параграфе мы раскрыли содержание понятий человекобог, богочеловек, антихрист, сверхчеловек. В своей сущности эти понятия имеют схожие черты, позволяющие нам увидеть один тип человека, отрицающего традиционные ценности, нормы морали и претендующего на роль Бога.

Несмотря на то, что термины были предложены и объяснены разными источниками, одним из первых, кто раскрыл их идейную сторону, применимую к новым философским воззрениям XX века, был Ф.М. Достоевский. По мнению Вячеслава Иванова, «Достоевский стал первым мыслителем, в художественной форме выразившим сущность того нового подхода к человеку, который в дальнейшем определил все многообразие и все трагические перипетии европейской культуры и европейской истории XX века» [Цит. по: Евлампиев: 2000, 118].

Достоевский вложил новые смыслы в понятия и раскрыл их сущность на примере новых типов людей, зарождающихся в обществе. Новый человек происходит от мечтателей, которые преобладали в раннем творчестве писателя («Белые ночи», «Хозяйка»). Романтик сороковых годов в шестидесятых годах превращается в циника: «Между «мечтательством» и «подпольем» была очень тонкая перегородка. Стоило перейти это незаметное «чуть-чуть», как герой-«мечтатель» становился «подпольным парадоксалистом» [Одинокоев: 1981, 16].

Первым героем Достоевского, который отразил идею писателя, был «подпольный человек» из повести «Записки из подполья», вышедшей в 1864 году. Именно с нее начинается новая веха в творчестве писателя. Повесть стала программной, предвосхищающей «великое пятикнижие» Достоевского, в котором мы можем наблюдать разные стадии развития и формы жизни «подпольного человека» [Никольский: 2011, 77]. Теперь в центре изучения

писателя стоит феномен нового человека: «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит исправляться! ...Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека русского большинства и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону» [Цит. по: Кийко: 1989, 766].

«Записки из подполья» состоят из двух частей: из повести «По поводу мокрого снега» и предваряющим ее предисловием, озаглавленным «Подполье», в котором раскрыты важнейшие тезисы философии Достоевского, находящие дальнейшее раскрытие в его последующих романах.

Достоевский рисует продолжение типа «лишнего человека», который находится в плену у идей Просвещения и обуславливает законы человеческого бытия развитием естественных наук. В 1860-х годах эти идеи пропагандировали русские революционные демократы, к коим относил себя Н.Г. Чернышевский. В своем романе «Что делать?» он выводит теорию «принципа разумного эгоизма», которую Достоевский считал невозможной. Повесть Достоевского отрицает и высмеивает утопические псевдонаучные идеи Чернышевского и его сторонников [Скрипник: 2013, 28]. В «Записках» Достоевский апеллирует к роману Чернышевского. Так, например, хрустальный дворец парадоксиста – отсылка к «Четвертому сну Веры Павловны» в романе «Что делать?».

Достоевский строит цепочку аргументов, в которых доказывает свой главный тезис: социализм не может быть осуществлен на постулатах разумного договора, ведь человек «может нарочно, сознательно пожелать себе даже вредного, глупого, даже глупейшего, а именно: чтобы иметь право пожелать» [Достоевский: 2014, 433]. Герой Достоевского доказывает, что материализм, идеализм, социализм, позитивизм – это утопические идеи, которые неизбежно ведут к отрицанию свободы воли – главной ценности человека.

Свой новый тип человека Достоевский считает отрицательным героем – «антигероем». Его отличает эгоизм, самолюбие, отсутствие добродетелей, чувств сострадания, жалости, любви. Достоевский видит в новом поколении не новый тип идеальных людей, а людей «мертворожденных от идеи». По мнению писателя, кроме разума и логики важным элементом в человеке является его душа: «хоть ум у вас и работает, но сердце ваше развратом помрачено, а без чистого сердца – полного, правильного сознания не будет [Достоевский: 2014, 445].

Таким образом, Достоевский в «Записках из подполья» начинает изучать новый тип героя, который сформировался под воздействием нового времени и теории гуманистов. Писатель рисует отрицательный тип героя как отражение новых веяний западной культуры. Некоторые исследователи отмечают, что концепция Достоевского о человекобоге сложилась под воздействием и распространения атеистических идей в Европе [Лесевицкий: 2014, 279].

Следом за подпольным человеком его идею продолжают герои последующих романов Достоевского: Родион Раскольников, Ипполит Терентьев, Алексей Кириллов, Николай Ставрогин, Иван Карамазов и многие другие, которые являются косвенными, сопричастными выразителями философских воззрений нового типа людей.

В романе «Преступление и наказание» Достоевский делает студента Родиона Раскольникова выразителем нового типа человека. Он рисует молодого человека, который, несмотря на то, что испытывает острую потребность в финансах, совершает убийство не из корысти, а чтобы проверить свою идею: ««И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги были нужны, как другое... <...> мне надо было узнать тогда, и поскорее узнать, вошь ли я, как все или человек? Тварь ли я дрожащая или право имею...» [Достоевский: 2008, 471-472].

Угнетенный своим положением, социальной несправедливостью, Раскольников совершает убийство старухи-процентщицы, оправдывая его своей теорией, по которой люди делятся на два разряда: «на низших, т. е. на материал для зарождения себе подобных, и собственно на людей, имеющих дар или талант сказать в среде новое слово» [Достоевский: 2008, 336]. Себя он относит ко вторым, до тех пор, пока не осуществляет задуманное и не видит крах своей теории: «Божия правда, земной закон берет свое, и он – кончает тем, что принужден сам на себя донести. Принужден, чтобы, хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям» [Достоевский: 1996, 274].

Исходя из этого, Родион Раскольников является «идеологическим убийцей». Обуреваемый собственными страстями и идеями, молодой человек переступает черту гуманности, выражая крайнюю степень индивидуальности. В конечном итоге, терзаемый муками совести, герой сознается и отправляется на каторгу, получив шанс искупить свои грехи.

Помимо Раскольникова, в романе Достоевский показывает еще двух персонажей, которых можно считать выразителями той же идеи – это Лужин и Свидригайлов. В литературоведении их именуют «двойниками Раскольникова». Лужин предстает индивидуалистом, который действует сообразно со своими выгодами: «Наука говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано» [Достоевский: 2008, 243]. Свидригайлов также имеет схожие взгляды: «Я нахожу, например, что единичное злодейство позволительно, если главная цель хороша» [Достоевский: 2008, 532].

Из чего можно заключить, что Раскольников, Лужин, Свидригайлов схожие личности одного типа. Они являются представителями западного «открытого общества», перемещенного в русское «традиционное общество» [Лесевицкий: 2014, 286].

Ипполит Терентьев из романа «Идиот» занимает небольшое место в сюжете романа, но он является важным героем в повествовании. Терентьев, как

и многие у Достоевского, выполняет роль идеологического убийцы. Позже его линию продолжают Крафт из «Подростка» и Кириллов из «Бесов».

Ипполит Терентьев является еще одним портретом из галереи атеизма Достоевского. Он герой-бунтарь. Идея «вседозволенности», которую позже откроет Иван Карамазов, прослеживается в рассуждениях этого героя. Терентьев считает, что устройство мира несправедливо, и потому он бунтует. Главную несправедливость в устройстве мира, он видит не в социальных делениях общества, а в неравенстве между здоровыми и больными.

Схожие мысли исповедует и князь Мышкин: «И Ипполит, и Мышкин в изображении писателя исходят из одних и тех же общих философско-этических посылок. Но из этих одинаковых они делают противоположные выводы» [Фридлендер: 1964, 256]. Разница между героями состоит в конечном итоге их идей. Терентьев умирает гордецом, атеистом, не верующим в любовь и вечную жизнь. Князь Мышкин же верует в Бога, и тем душа его спасается.

Во всем пятикнижии Достоевского представлены герои, которые бунтуют против устройства мира. Их бунт тесно связан с отношением к Богу. Достоевский на их примерах показывает, к чему приводит их атеистическое мировоззрение: Терентьев умирает, Свидригайлов заканчивает жизнь самоубийством, Иван Карамазов сходит с ума. Тем самым Достоевский доказывает, что жизнь без Бога невозможна.

Бунтующим героям Достоевский противопоставляет верующих героев, таких, как князь Мышкин, Соня Мармеладова, Алеша Карамазов. Их выбор – это путь добровольного служения людям, христианское смирение и непрерывное нравственное самосовершенствование.

Вопрос о Боге был центральным в произведении Достоевского. В письме к Майкову он писал: «Главный вопрос, который проведется во всех частях, – тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, – существование Божие» [Достоевский: 1996, 456].

Несмотря на то, что герои в произведениях Достоевского делятся на положительных (верующих в Бога) и отрицательных (атеистов), они не представляют застывших форм человека. В их душах на протяжении всей жизни идет борьба за спасение души. Зачастую его герои сначала говорят одно, потом сами себя опровергают. Достоевский как философ не высказывает свои рассуждения в уже окончательной форме, а показывает читателю ход своих мыслей в процессе. Например, Алеша Карамазов на протяжении всего романа «Братья Карамазовы» не раз сомневается: «А я в Бога-то вот может быть и не верую» [Достоевский: 2006, 348]. Это высказывание соответствует неосуществленному замыслу Достоевского превратить Алешу во втором томе "Братьев Карамазовых" в революционера или даже преступника, впоследствии, конечно, кающегося [Мелетинский: 2001, 158].

Другой пример – эпизод перед похоронами старца Зосимы: когда его тело начало смердеть, это стало вызывать пересуды. Нравственную борьбу четко видно и в рассуждениях Ивана. Несмотря на то, что разумом он определил для себя, что «все позволено», он чувствует свою ответственность за деяния, которые происходят под воздействием его теории, например, в случае убийства его отца.

Когда речь идет о вопросах веры, большинство героев Достоевского противоречат себе, сомневаются. По диалогам и совершаемым ими поступкам видно, что в каждом из них ведется внутренняя борьба.

Герои Достоевского несмотря на свои внутренние перипетии, сомнения, в конечном итоге приходят к Богу. На последней странице своего последнего романа «Братья Карамазовы» русский писатель подтверждает эту мысль:

– Неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

Непрерывно восстанем, непрерывно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, – полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша [Достоевский: 2006, 268-269].

Герои Достоевского неоднозначны, они живут внутри произведений, растут, изменяются в положительную или отрицательную сторону, но в центре его произведений всегда стоит человек, в своем многообразии и неоднозначности: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [Достоевский: 1996, 22].

Таким образом, все великое пятикнижие Достоевского объединяет образ нового человека, которого Достоевский считает отрицательным типом. В своих произведениях писатель доказывает несостоятельность идей, пропагандируемых в новом обществе. Крайний индивидуализм он считает губительным и разрушительным для человека. Именно такой тип героя в романе «Бесы» получит название «человекобог».

ГЛАВА 2. ИДЕЯ ЧЕЛОВЕКОБОГА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА «БЕСЫ»

1.2. Общественно-историческая обстановка в России и ее индивидуально-авторское отражение в романе «Бесы»

Роман «Бесы» был написан Ф.М. Достоевским в 1870-1872 годах и опубликован в 1872 году в журнале «Русский вестник» Михаила Каткова. Основная работа над романом проходила в 1870-1871 годах за границей, но сам Достоевский отмечает, что идея у него родилась еще в 1869 году: «Говорю с полной точностью, повесть (роман, пожалуй), задуманный мною в «Русский вестник», начался еще мною в конце прошлого (69-го) года» [Достоевский: 2015, 111].

Роман «Бесы» имеет трудную историю создания. Достоевский много раз переписывал, менял сюжет, добавлял героев: «Я вполне был уверен, что поспею в «Зарю». И что же? Весь год я только рвал и переиначивал. Я исписал такие груды бумаги, что потерял даже систему для справок с записанным. Не менее 10 раз я изменял план и писал всю первую часть снова. <...> Не мог же я знать вперед, что целый год промучаюсь над планом романа (именно промучаюсь)» [Достоевский: 2015, 111-112]. План менялся много раз, но идея романа оставалась прежней.

В основу романа положен синтез идей и событий, которыми Достоевский интересовался, пытался разгадать их причины и предугадать последствия. Судьба России, ее молодого поколения и утрата ценностей и веры беспокоили Достоевского. Атеистические идеи и идеалистические воззрения, по мнению писателя, ведут к неизменной гибели. Об истории беснования новыми идеями Достоевский и написал свой роман: «И заметьте себе, дорогой друг: кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога. Ну, если хотите

знать, – вот эта-то и есть тема моего романа. Он называется «Бесы», и это описание того, как эти бесы вошли в стадо свиней» [Достоевский: 2015, 103-104].

Решающим событием, послужившим толчком к написанию романа стало «нечаевское дело» – убийство студента Ивана Иванова революционно настроенной группой молодых людей под руководством С.Г. Нечаева. Преступление произвело на Достоевского неизгладимое впечатление, как сбывшееся предсказание писателя о будущем России. Достоевский видел идейную связь между нечаевцами и петрашевцами и тяжело переживал, считая и себя, бывшего петрашевца, ответственным за текущее положение дел в стране.

В «Дневнике писателя» за 1873 год Достоевский сделал пометку о том, что мог и сам сделаться нечаевцем в дни своей юности. Смысл этих слов раскрыл его друг А.Н. Майков в своем рассказе, уже после смерти Достоевского. Оказывается, что петрашевцы для подготовки к будущей революции решили завести тайную типографию и выбрать комитет из пяти членов для руководства. Для соблюдения тайны прописали в уставе угрозу наказания смертью за измену, угроза должна была еще больше скрепить участников организации [Белов: 2010, 100].

Поставив в центр романа историю убийства студента Шатова, Достоевский планировал сделать главным героем Петра Верховенского, прообразом которого стал Нечаев. Но в 1870 году в написании произошел коренной перелом, и Достоевский отодвинул идею идеологического убийства нечаевцами на второй план. На первый план у писателя вышло другое лицо – великий грешник – Николай Ставрогин: «Это другое лицо (Николай Ставрогин) – тоже мрачное лицо, тоже злодей. Но мне кажется, что это лицо трагическое, хотя многие наверно скажут по прочтении: «Что это такое?» Я сел за поэму об этом лице, потому что слишком давно уже хочу изобразить его. По моему

мнению, это и русское, и типическое лицо. Еще грустнее будет, если услышу разговор, что лицо ходульное. Я из сердца взял его. Конечно, это характер, редко являющийся во всей своей типичности, но это характер русский (известного слоя общества)» [Достоевский: 2015, 100].

Главному человекобogu романа должен был противостоять монах Тихон. Об этом сообщает сам Достоевский в том же письме М.Н. Каткову: «Но не все будут мрачные лица; будут и светлые. Вообще боюсь, что многое не по моим силам. В первый раз, например, хочу прикоснуться к одному разряду лиц, еще мало тронутых литературой. Идеалом такого лица беру Тихона Задонского. Это тоже Святитель, живущий на спокое в монастыре. С ним сопоставляю и свожу на время своего героя романа. Боюсь очень; никогда не пробовал; но в этом мире я кое-что знаю» [Достоевский: 2015, 100-101].

Однако положительному герою – монаху Тихону – не суждено было войти в роман. М.Н. Катков не пропустил главу «У Тихона» из-за «нецеломудренности» текста. Столкновение между верующим и атеистом не состоялось, при том, что эта глава являлась кульминационной в развитии религиозной тематики в романе. Исключение главы не разрушило идейный замысел и писателя, и мысль о победе христианства над бесами утвердилось от противного: хаос, устроенный бесами в городе и является смертным приговорим их делу.

Таким образом, в романе «Бесы» Достоевский сочетает несколько идей изначально разных романов и создает единое произведение, в центре которого стоит два вопроса. Это вопрос о вере в Бога, и вопрос о будущей судьбе России. Достоевский связывает два вопроса в единое и приходит к выводу, что атеизм, поселившийся в душах молодых поколений, приводит к краху государственного строя и потери общечеловеческих ценностей.

2.2. Отражение идеи человекобога в образной системе романа Ф.М. Достоевского «Бесы»

Идея человекобога в полифонической структуре романа проводится на разных уровнях. Рассмотрим, какие грани она приобретает в системе образов художественной структуры «Бесов».

2.2.1. Николай Ставрогин

Николай Всеволодович Ставрогин – главный герой романа Ф.М. Достоевского «Бесы». В произведении является центральной фигурой в повествовании. Его образ является воплощением идеи человекобога писателем.

Николай Всеволодович Ставрогин – молодой человек, отставной офицер, сын помещицы Варвары Петровны Ставриной. Образ Николая Всеволодовича раскрывается на разных уровнях. В начале романа мы узнаем его предысторию, потом мы наблюдаем за его жизнью в губернии, затем мы читаем его исповедь. Тем самым, Ставрогин представлен Достоевским со всех ракурсов: он описывается действующими лицами, по слухам и личным впечатлениям от знакомства, о нем повествуется в реальном времени действия романа, участником которых становится хроникер, и завершает картину сам Ставрогин, дополняя и приоткрывая завесу тайны своей жизни.

Николай Ставрогин предстает в романе лицом загадочным, окутанным тайнами. Он взаимодействует со всеми главными лицами в романе и заметно влияет на их мысли и действия.

О принадлежности Ставригина к человекобогу в романе указывают многие факторы: его имя, внешность, характер, мысли, поступки, действия, отношения к другим персонажам. Николай Ставригин представлен в романе как

лицо постоянно меняющееся и трансформирующееся. Все герои по-разному его видят. Для каждого он является примером, авторитетом, притягательной силой.

В первый раз мы слышим о Николае Ставрогине из воспоминаний повествователя. Он описывает Ставрогина как красивого молодого человека, изящного джентльмена, смелого и самоуверенного. Уже при первом посещении он заинтересовал общественность города, его жизнь и поступки, овеянные флером таинственности, будоражили мнения всего населения губернии: *«Они резко разделились на две стороны – в одной обожали его, а в другой ненавидели до кровомщения; но без ума были и те и другие»* [Достоевский: 2013, 43].

Уже при первом своем появлении Ставрогин произвел сильное впечатление на рассказчика и жителей города. Все увидели его писанным красавцем с безупречными манерами джентльмена, но уже тогда в Ставрогине проявлялись характерные черты, присущие inferнальным существам.

Начиная с имени, Достоевский шаг за шагом рисует картину человекобожественности. Фамилия Ставрогина символична. Корень фамилии в переводе с греческого обозначает «крест». Ставрогин – человек, добровольно выбравший распятие. Но его распятие, в отличие от Иисуса Христа, заканчивается смертью, ибо распятие Ставрогина было проявлением его самодовольства, гордыни, эгоизма, дерзким вызовом Богу [Белов: 2014,42]. Фамилия Ставрогина складывается из слов крест и рог, что интерпретируется как описание его человекобожественной сущности. Имя Николай тоже характерно. В «Апокалипсисе» имени антихриста не дано, нам указывают только на сложение из букв числа 666. В богословии существуют работы, которые пытаются вычислить имя, но доподлинных данных нет. По одной из версий имя должно начинаться с буквы N. Под эту характеристику попадает и имя главного героя.

Внешность Ставрогина Достоевский тоже делает характерной. Он говорит о нем, как об исключительном и демоническом красавце, при этом указывает на

отталкивающее впечатление от лицемерия его облика. Единого зафиксированного отображения внешности Ставрогина в романе не присутствует. Достоевский часто меняет своему герою маски, как будто он не живой человек, а inferнальное существо с множеством лиц. Этому способствует и разное наименование Ставрогина в романе: Варвара Петровна называет его Nicolas, Степан Трофимович – Принц Гарри, Марья Лебядкина – князь, Петр Верховенский – Иван-Царевич.

Достоевский также именуется своего героя, согласно религиозным текстам: *«и вдруг зверь показал свои когти» [Достоевский: 2013, 43]* *«и вот зверь выпустил свои когти» [Достоевский: 2013, 44]*. Помимо облика зверя, который видят в Ставрогине, его сравнивают со змеем, т.е. библейским образом антихриста. Герои романа не выражают это в прямых обозначениях, их сравнения со змеей происходит на уровне авторской оценки: *«в лице ее было какое-то судорожное движение, как будто она дотронулась до какого-то гада» [Достоевский: 2013, 183]*. *«Капитан как-то весь съежился перед ним и так и замер на месте, не отрывая от него глаз, как кролик от удава» [Достоевский: 2013, 193-194]*. *«Поражен, говорит, этим человеком: премудрый змий» [Достоевский: 2013, 101]*.

Ставрогин является центральным персонажем романа, центром притяжения всех персонажей. Вокруг него происходят события в романе, строятся судьбы, решаются чужие жизни. Все герои, прямо или косвенно связанные с ним, образуют группы персонажей: семейные узы (отношения с матерью), взаимодействие с его последователями, учениками (Шатов, Верховенский, Кириллов), с женщинами (Дарья Шатова, Marie Шатова, Лизавета Николаевна, Мария Лебядкина).

Мать Ставрогина, Варвара Петровна, представляет в романе старшее поколение участников развития действия. Она уже не обуреваема юношескими страстями, а потому ее взгляд более беспристрастен на события в городе. Но,

как любая мать, она любит сына и видит в нем свои надежды и мечты. Она – представитель старого устоя общества и потому старается оградить своего сына от скандалов и нелюбимых историй, которые были по нраву новому поколению, либерально настроенных молодых людей. Несмотря на то, что она знает своего сына, Достоевский не раз описывает, как Варвара Петровна находит в нем новые, доселе не изведенные черты. Она расспрашивает других персонажей и пытается разобраться в поступках Николая Всеволодовича, которые не всегда понимает. Сын предстает перед ней в иной, новой для нее форме: *«Заметно было, что она боялась чего-то неопределенного, таинственного, чего и сама не могла высказать, и много раз неприметно и пристально приглядывалась к Nicolas, что-то соображая и разглядывая»* [Достоевский: 2013, 44].

Варвара Петровна не единственный женский образ, связанный с перипетиями вокруг Николая Всеволодовича в романе. Его окружает целый пантеон женских образов, для которых Ставрогин является центром притяжения. Он завлекает их, соблазняет и поглощает, как паук ест мух.

В романе представлены четыре женских образа, на основе которых раскрывается любовная линия Ставрогина, его способность к чувствам. Женщины представляют разные ипостаси взаимоотношений. Лизавета Николаевна играет роль страстной и пылкой влюбленной, ее чувства к Ставрогину наполнены одержимостью: *«Из-за непрерывной к вам ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает любовь и безумие... самая и искренняя и безмерная любовь и – безумие!»* [Достоевский: 2013, 374]. Чувства Лизаветы Николаевны рядом со Ставрогиным обостряются: она падает в обморок, впадает в истерику. В конечном итоге, ее роковая любовь, страстное влечение к нему выжигают ее, и она погибает.

Дарья Павловна – это другой тип женщины в жизни Ставрогина. В романе и сам герой, и автор называют ее сиделкой. Ее любовь представляется

жертвенной. Она не испытывает той яростной, всепоглощающей любви, как Лизавета Николаевна. Ее любовь добродетельная, милосердная, основанная на христианской морали и ценностях, именно потому она одна из женщин Ставрогина остается в живых.

Марья Лебядкина в романе является женой Ставрогина. Ее любовь к Ставругину основана на романтической составляющей. Она влюблена в Ставругина и видит в нем героя, овеянного романтическим ореолом: *«вы теперь загадочное и романтическое лицо, пуще чем когда-либо»* [Достоевский: 2013, 222]. Физический недостаток, блаженность, сложные отношения с братом, насмешки, унижения способствуют уходу героини в придуманный ею мир, где живет прекрасный образ сильного, благородного и всемогущего князя. Хромоножка воспринимает его только вкуче с вымышленным образом, и когда он не способствует ее представлениям, она погибает.

Сквозным образом в романе проходит Marie Шатова. О ней в романе упоминается мало в связи со Ставругиным, Достоевским не дана их любовная линия. В произведении Marie выполняет роль матери-ребенка Ставругина.

Еще один пласт героев, с которыми связан Ставругин, – это его последователи и ученики: Петр Верховенский, Алексей Кириллов, Иван Шатов. Они делают из Ставругина кумира и поклоняются ему: *«Вы смотрите на меня как на какое-то солнце, а на себя как на какую-то букашку сравнительно со мной»* [Достоевский: 2013, 240]. Для каждого из них Николай Всеволодович становится кумиром и учителем. Он оказывает настолько огромное влияние, что они ставят его в центр мироздания и почитают за человекобога.

В романе Ставругин стоит особняком от других героев. Гордый красавец, покусившийся на место Бога, – вот его роль в произведении. В некоторых моментах в нем прорываются зачатки идеи божественного смирения и мученика. Например, он отказывается стрелять на дуэли, или «руки назад взял».

Тем самым в Ставрогине иногда проявляются качества, достойные христианина, но антихристово начало оказывается сильнее.

Душа Ставрогина находится в поиске. Его нельзя назвать полностью отрицательным героем. В нем присутствуют эгоизм и гордыня, которые ведут его за собой и заставляют покушаться на божественные начала. Другие герои тоже поддерживают в нем ощущение превосходства: *«Почему все ждут от меня чего-то, чего от других не ждут? К чему мне переносить то, чего никто не переносит, и напрашиваться на бремена, которые никто не может снести?»* [Достоевский: 2013, 285].

Главная причина гибели души Ставрогина – это его неспособность чувствовать. Он из-за гордости и высокомерия не может прийти к смирению, кротости. Его обуревают страсти, он не может укротить свою злость: *«Злобы в Николае Всеволодовиче было, может быть, больше <...> но злоба эта была разумная, стало быть самая отвратительная и самая страшная, какая может быть»* [Достоевский: 2013, 204]. Достоевский выделяет в тексте слово «разумная», т. е. он указывает на преобладание рациональных начал и отсутствие душевных качеств, присущих христианину.

Ставрогин не способен на чувства и потому губит вокруг себя почти всех героев, с которыми был в отношениях. Он не может любить: *«мне жаль, что я не могу полюбить вас, Шатов»* [Достоевский: 2013, 253]; не может ненавидеть: *«я в ней более, чем в другом месте не любил жить; но даже и в ней не мог ничего не мог возненавидеть»* [Достоевский: 2013, 657]; не может уважать и жалеть: *«вникните тоже, что я вас не жалею, коли зову, и не уважаю, коли жду»* [Достоевский: 2013, 657]; не может стыда, отчаяния: *«Негодования и стыда во мне никогда быть не может; стало быть, и отчаяния»* [Достоевский: 2013, 658]. Духовное состояние героя подчеркивает то место в «Откровении Иоанна Богослова, которое читает Софья Матвеевна Степану Трофимовичу и святитель Тихон Ставрогину: *«И Ангелу Лаодикийской*

церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия. Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих. Ибо ты говоришь: я богат, разбогател, и ни в чем не имею нужды, а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» [Достоевский: 2013, 636-637].

В Ставрогине отсутствует главная составляющая, которая делает его равнодушным и не придающим значения своим действиям – различие между добром и злом. Он не отделяет одно от другого: *«Я все же так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие. Но и то и другое чувство по-прежнему всегда слишком мелко, а очень никогда не бывает» [Достоевский: 2013, 657]*, и потому не способен к восприимчивости чужих чувств, к склонению в сторону доброго или злого начала.

Духовное состояние Ставрогина на протяжении романа может уподобиться состоянию заболевшего человека. Он заражен безумием и злобой, которая временами достигает своего апогея и выплескивается наружу. О чем свидетельствуют его поступки: таскание за нос П.П. Гаганова, поцелуй в губы мадам Липутину на праздновании ее день рождения, укусы за ухо губернатора Ивана Осиповича. Хроникер замечает, что Ставрогин проделывает это в беспамятном состоянии, не руководствуясь собой в полной мере. Ответ находится, когда Ставрогин под арестом впадает в белую горячку. Достоевский рисует беснования своего героя с характерными чертами чрезвычайной силы его: *«В два часа полуночи арестант <...> вдруг зашумел, стал неистово бить кулаками в дверь, с неестественной силой оторвал от оконца в дверях железную решетку, разбил стекло и изрезал себе руки» [Достоевский: 2013, 51]*; с приступами неудержимого смеха, который сопровождает его на протяжении всего романа: *«Мне со вчерашней ночи ужасно хочется смеяться,*

все смеяться, беспрерывно, долго, много. Я точно заражен смехом»
[Достоевский: 2013, 289].

Тело и душа принадлежат Ставрогину лишь частично, им управляет зло, которое он впустил в обмен на утоление «звериного сладострастия». Зло пожирает его душу, и когда он становится полностью равнодушным и к окружающим, и к себе, он совершает самоубийство. В последней сцене Достоевский указывает на то, что врачи, обследовавшие Ставругина, отвергли помешательство, следовательно не болезнь управляла им, а его собственная гордыня и эгоизм, удовлетворенные с помощью разумного выбора в пользу удовлетворения своих страстей.

Примечательна для полного раскрытия героя глава «У Тихона», в которой приводится исповедь самого Ставругина из его собственных уст. Глава была изъята из печати в журнале «Русский вестник» в связи с «нецеломудренностью» [Ермоленко, Тарасенко: 2014, 144]. В прижизненном книжном издании глава не вошла в роман, но, по нашему мнению, важна для раскрытия образа Ставругина. Неслучайно можно увидеть несколько продублированных мест из этой главы в самом романе. Например, сцена прочтения отрывка из «Апокалипсиса» «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши...». Значит, для Достоевского «пропущенная» глава играла важную роль.

В главе «У Тихона» Достоевский показывает своего настоящего героя, без прикрас, без романтического флера. Его исповедь правдивая, без преукрашений. Он рассказывает о себе беспощадную правду, обличая себя и свои поступки. Ставругин признается в своей одержимости, в веру в бесов: *«рассказал, что он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и «разумное», «в разных лицах и в разных характерах, но оно одно и то же»* [Достоевский: 2013, 666].

Ставругин рассказывает об истории гибели души своей, когда он совратил ребенка. Его исповедь наполнена злобными откровениями человека,

погрязшего в ненависти к себе и в разрушительной ее силе. Разум Старогина понимает низость его поступков, но в душе его нет полного раскаяния.

Ставрогин печатает свою историю не из-за осознания глубины своего падения, а от желания вывернуть грязную мерзкую сторону своей души, стать великим мучеником. Эти его намерения замечает Тихон и старается переубедить Ставрогина: *«Вас борет желание желание мученичества и жертвы собою; покорите и сие желание ваше, отложите листки и намерение ваше — тогда уж все поборите. Всю гордость свою и беса вашего посрамите! Победителем кончите, свободы достигнете...»* [Достоевский: 2013, 692].

Таким образом, в романе показана история разрушения личности человека под воздействием своих страстей и гордыни. Ставрогин показан Достоевским с разных сторон: как его воспринимают окружающие, как воспринимает себя он сам, какие поступки он совершает, какие намерения им движут. Николай Ставрогин стоит в центре повествования, и именно ему Достоевский отводит роль человекобога, который живет только своими эгоистичными желаниями, отвергая добродетели. Он является разрушительной силой в романе, и под его влиянием рушится не только его собственная судьба, но и жизни всех остальных героев.

2.2.2. Петр Верховенский

Петр Степанович Верховенский – один из главных героев романа Ф.М. Достоевского «Бесы». По сюжету произведения Верховенский – молодой человек, который приезжает в губернский город к отцу решить дело по поводу продажи земли, коей управлял его отец, Степан Трофимович Верховенский. Прибытие его ознаменовано не только имущественными делами, но и решением более важных задач революционного толка. Петр Верховенский является

идейным вдохновителем и руководителем революционной ячейки, «пятерки», благодаря которой сеет смуту и хаос в городе.

Первое появление Верховенского предваряет краткие вкрапления информации о нем из уст Степана Трофимовича. Мы мало что можем сказать о его жизни до появления в губернии, т. к. он воспитывался все время на руках у каких-то дальних родственников. Степан Трофимович крайне редко встречался с сыном, и потому его характеристики немногочисленны: *«Он добрый, благороден и очень чувствителен <...> но это все же жалкий человек»* [Достоевский: 2013, 76]. *«Мальчик, знаете, нервный, очень чувствительный и... боязливый. Ложась спать, клал земные поклоны и крестил подушку, чтобы ночью не умереть....<...> чувства изящного никакого, то есть чего-нибудь высшего, основного, какого-нибудь зародыша будущей идеи... Он походил на идиотика»* [Достоевский: 2013, 92].

Эти описания особо интересны, ведь в действиях Петра Степановича позже мы находим явные несоответствия данного образа. Конечно, это можно связать с недостаточно близкими отношениями отца и сына, но Степан Трофимович представляется в романе неким гласом правды, а потому мы можем сделать вывод, что его анализ был верен, и это сам Петр Верховенский поменялся. Достоевский, описывая своих героев, часто показывает их в эволюционном развитии. Они не стоят на месте, а либо самосовершенствуются, либо саморазрушаются. Данный прием мы видим и в описании героев «Бесов». Образ Петра Верховенского дается в сюжетной канве романа в динамике.

В первый раз мы встречаем его в гостиной Варвары Павловны. Достоевский дает нам его описание, в котором мы уже не находим тех черт богобоязненного, нервного мальчика: *«Никто не скажет, что он дурен собой, но лицо его никому не нравится»* [Достоевский: 2013, 178]. Уже при первых описаниях автор ссылается на эмоциональные ощущения публики. Далее он рисует портрет, наделяя его характерными змееподобными чертами: *«Голова*

его удлинена к затылку и как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется вострым. Лоб его высок и узок, но черты лица мелки; глаз вострый, носик маленький и востренький, губы длинные и тонкие» [Достоевский: 2013, 178]. «Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту, должно быть, какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайным вострым, непрерывно и невольно вертящимся кончиком» [Достоевский: 2013, 179]. В его портретных зарисовках Достоевский неслучайно использует характерные приемы уподобления змее. Позже в тексте мы найдем еще несколько слов с яркой коннотативной окраской. Змея является анималистическим изображением антихриста в библейских текстах, тем самым Достоевский вводит еще одного героя, претендующего на роль человекобога.

Верховенский в романе отличается умом, сообразительностью, хитростью. Он коварен и подл, злобен и вспыльчив, внутри он одолевается страстями и желаниями. Верховенский с помощью революционной деятельности хочет изменить мироустройство, где будут *«все рабы и в рабстве равны»* [Достоевский: 2013, 408]. У Верховенского есть план, согласно которому, сокращая и уничтожая образование, науку, он планирует пустить везде пьянство, сплетни, доносы, разврат, превратить общество в стадо. Себя же он планирует воздвигнуть на место человекобога: *«У рабов должны быть правители»* [Достоевский: 2013, 409].

Помимо серьезных и амбициозных своих замыслов, Верховенский мстительный человек, пышущий злобой. Ради удовлетворения своих собственных желаний, он готов отказаться от собственных идей. Так, например, питая ненависть к Шатову, он решает организовать убийство. При мистических обстоятельствах погибает Федька Каторжный, и хотя его смерть нельзя напрямую связать с деятельностью Верховенского, она окутана ореолом таинственных демонических сил.

При всей масштабности своих идей и планов, Верховенский ставит не себя во главу нового мира. В романе он является идолопоклонником Николая Ставрогина: *«Я люблю идола! Вы мой идол! <...> Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк»* [Достоевский: 2013, 410]. *«Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в склянке, Колумб без Америки»* [Достоевский: 2013, 410]. Он ставит Ставрогина в центр своего мироздания, поклоняется ему как солнцу.

Петр Степанович расчетливый молодой человек, привыкший извлекать выгоду из своих действий, поступков. Но в романе его рационализм чаще всего рушится под воздействием страстей, бушующих в его душе. Героя в романе время от времени захватывают какие-то ирреальные силы, под воздействием которых Верховенский преображается. Его охватывают лихорадочные чувства, он становится полупомешанным. На месте привычной внешности его собеседники *«видят другое лицо»* [Достоевский: 2013, 407].

Злоба и бешенство, овладевающие Верховенским, являются следствием его атеистических воззрений. В центр своей веры он ставит идола, а не Бога. Петр Степанович считает себя атеистом, вслед за своим кумиром. Его собственные мировоззренческие установки подверглись влиянию богоборческих идей. Подчиняя себя рассудку, он делает вывод о том, что вера нужна лишь для практических целей: *«Ведь вы же умный человек и, конечно, сами не веруете, а слишком хорошо понимаете, что вера вам нужна, чтобы народ абрутировать»* [Достоевский: 2013, 309].

Достоевский, описывая Верховенского, часто ссылается на его болезненное состояние: *«Выражение лица словно болезненное, но это только кажется. У него какая-то сухая складка на щеках и около скул, что придает ему вид как бы выздоравливающего после тяжелой болезни. И, однако же, он совершенно здоров, силен и даже некогда не был болен»*[Достоевский: 2013, 178]. У него часто наблюдается состояние горячки, полубезумия. Верховенский болен идеей человекобога. Его прообраз он видит в Николае Ставрогине. Он

поклоняется ему и в порывах безумия отождествляет себя с ним: *«Я-то шут, но не хочу, чтобы вы, главная половина моя, были шутом»* [Достоевский: 2013, 509]. Его поклонение Ставрогину смешивается с его озлобленным состоянием, и даже к своему кумиру, который не оправдал его ожиданий, он испытывает ненависть. Верховенский считает Ставрогина частью себя, следовательно, предполагает служение их обоих некой сущности, в которой они оба сольются. Видимо, это дьявол, их общий «отец», которому и готов служить Петруша.

Несмотря на то, что Верховенский и сам метит на место человекобога: *«Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя такого, взамен Христа предложить желаешь?»* [Достоевский: 2013, 212], все же его нельзя назвать полноценным человекобогом. В отличие от других героев Достоевский оставляет своего героя в живых, потому что Верховенский по своему типу мелкий человек. Сам себя он называет мошенником. В его рассуждениях присутствуют амбиции, но они не подкрепляются действиями. В итоге, этот герой предстает в романе в роли шута – злобного Джокера, организующего смерть и разрушения вокруг себя.

2.2.3. Алексей Кириллов

Алексей Нилыч Кириллов – один из главных героев романа Ф.М. Достоевского. Кириллов почти не участвует в развитии сюжетных линий, он занимается идеологической стороной вопроса о человекобоге. Он выстраивает концепцию нового построения мира и нового человека в нем, впервые употребляя в романе термин «человекобог».

С Кирилловым мы знакомимся впервые в доме Степана Петровича. Он появляется на сцене романа с Липутиным, на фоне которого представляется тихим и замкнутым молодым человеком. Алексей Нилыч приезжает в город по служебным делам, он инженер-строитель, собирается строить мост в городе.

Его внешность не имеет каких-либо характерных черт, как у других героев романа: *«Это был <...> стройный и сухощавый брюнет, с бледным, несколько грязноватого оттенка лицом и с черными глазами без блеску»* [Достоевский: 2013, 91]. Он составляет о себе представление рассеянного и несколько задумчивого молодого человека, но его внешность не статична, любой интерес, восхищение, смех преображают его лицо, делают его детским. Потому, и далее, мы можем наблюдать, как хорошо он ладит с ребенком родственницы Филипповых.

На протяжении всего романа Кириллов появляется всего несколько раз. Он не участвует в делах города, в основном сцены с его присутствием происходят в его же доме и имеют роль идейного толкования понятия «человекобог».

В центре идеологических размышлений Кириллова стоит Бог: *«...я всю жизнь об одном. Меня Бог всю мою жизнь мучил»* [Достоевский: 2013, 116]. Он является центральным вопросом существования героя, который надо разрешить ему. Большое влияние на героя оказал главный антихрист романа — Николай Ставрогин. Под его воздействием Кириллов стал на путь богоотрицания и оформил свою теорию: *«...вы [Ставрогин] отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом...Вы утверждали в нем ложь и клевету и довели его разум до исступления... Подите взгляните на него теперь, это ваше создание...»* [Достоевский: 2013, 245].

Кириллов не является сам по себе разрушительной силой в романе, он, скорее, созидатель, неслучайно по профессии он строитель. Первым несоответствие между его внутренними порывами и философскими рассуждениями заметил Степан Петрович: *«В одном только я затрудняюсь: вы хотите строить наш мост и в то же время объявляете, что стоите за принцип всеобщего разрушения»* [Достоевский: 2013, 95]. Весь облик Кириллова, его рассуждения, действия – парадоксальны.

Главным несоответствием в нем является отношение веры и неверия в Бога. Они тесно переплетены в этом персонаже и не имеют законченного завершённого вида. Кириллов позиционирует себя, как атеиста, но при этом считает, что Бог является несомненной составляющей в жизни человека.

Кириллов мечтает прийти к новому мироустройству, в котором все будут счастливы. Для этого Кириллов говорит о создании нового типа человека – человекобога, который на постулатах свободы, своеволия утвердит новый мир и научит всех, что «все хороши»: *«Надо им узнать, что они хороши, и все тотчас же станут хороши, все до единого»* [Достоевский: 2013, 235].

Его теоретические обоснования приходят к выводу о необходимости нового Бога. *«Бог необходим, а потому должен быть»* [Достоевский: 2013, 599]. *«Но я знаю, что его нет и не может быть»* [Достоевский: 2013, 599]. Из этих двух тезисов Кириллов делает вывод, что он должен стать Богом.

В начале романа он отводит роль человекобога Ставрогину. Но после горячего диалога между героями о бремени Кириллов понимает, что Ставрогин слабый человек: *«Если мне легко бремя, потому что от природы, то может быть, вам труднее бремя, потому что такая природа»* [Достоевский: 2013, 286]. В то же самое время он видит необходимость в человеке, который займет место Бога. Именно посредством таких размышлений Кириллов приходит к тезису, что он Бог.

Кириллов решает стать человекобогом не из-за собственных эгоистичных и себялюбивых амбиций, а для того, чтобы изменить мир: *«Будет Богом человек <...> И мир переменится, и дела переменятся, и мысли и все чувства»* [Достоевский: 2013, 115-116]. Его целью является спасение человека и будущее всеобщее счастье: *«Я заявлю своеволие <...> Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно и спасет всех людей»* [Достоевский: 2013, 603]. *«Я еще только Бог поневоле и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие. Все*

несчастливы потому, что все боятся заявить своеволие» [Достоевский: 2013, 602].

Кириллов не рациональная натура. Во многом его действия противоречат друг другу. Его ярые заверения об атеизме разбиваются о действительность. В описании его жилища Достоевский несколько раз делает акцент на горящей лампадке, или на образе Спасителя, висящего на стене. В одной из сцен упоминается чтение «Апокалипсиса». Из этого можно сделать вывод, что героя нельзя назвать совершенным атеистом, т. к. атрибутика и постоянные размышления, в центре которых Бог, позволяют сделать нам вывод о его, может быть, частичной вере. Герои, которые окружают Кириллова, тоже отмечают его приверженность к религии: *«Свинство в том, что он в Бога верует, пуще чем поп!» [Достоевский: 2013, 606].*

Достоевский рисует Кириллова противоречивым персонажем. Вроде бы его теория о человеке на месте Бога кажется пугающей и отталкивающей. При этом легкую симпатию мы можем наблюдать в мотивировках героя, который стремится к счастью всеобщему. Но, не успев привести этот аргумент в пользу героя, Достоевский снова его рушит. Он дает ясные и четкие указания на то, что как бы Кириллов не строил свои теории ради всеобщего блага, он далек от народа и потому не знает его потребностей: *«Я четыре года видел мало людей... Я мало четыре года разговаривал и старался не встречать, для моих целей, до которых нет дела, четыре года» [Достоевский: 2013, 95].* Кириллов напрямую заявляет о своем незнании и о нежелании его приобретать: *«Я тоже совсем не знаю русского народа, и... вовсе нет времени изучать!» [Достоевский: 2013, 94].*

Кириллов заражен своей идеей как болезнью. Его припадки, при которых он начинает ощущать «минуты вечной гармонии», являются самоцелью. Когда он говорит о переустройстве мира, его будущая программа имеет схожие черты с его ощущениями припадочей: *«В пять секунд я проживаю жизнь и за них*

отдам всю мою жизнь, потому что стоит. Что бы выдержать десять секунд – надо перемениться физически»[Достоевский: 2013, 575].

Состояния Кириллова чередуются. Он то находится в спокойном и уравновешенном состоянии, то в агонии. Его «съела идея» человекобога, и он в ней начал разрушать себя изнутри. Иногда на него находили минуты озарения, и он понимал истинное положение дел, но их снова сменяли состояния идейного возбуждения. Он не может управлять собой в полной мере, чем и пользуются другие герои романа. Они играют им как марионеткой, но Кириллов в своих разрозненных чувствах не замечает этого. Например, Петр Верховенский настаивает на самоубийстве Кириллова в определенный день. Кириллов же под влиянием своей идеи не замечает этого: *« Вы будете в моем полном распоряжении, то есть на один только этот случай, разумеется, а во всех других вы, конечно, свободны»* [Достоевский: 2013, 367].

Кульминацией в его состоянии становится момент самоубийства. В последней сцене своего появления Кириллов предстает в образе наиболее отдаленном от человеческого: *«Что-то заревело и бросилось к нему»* [Достоевский: 2013, 606]. *«Стоял Кириллов ужасно странно,- неподвижно»* [Достоевский: 2013, 607]. В описании Кириллова Достоевский указывает на мертвого человека, хотя формально он был еще жив. Описания строятся с помощью слов, окрашенных «мертвой» коннотацией.

Достоевский, описывая Кириллова, в конце прибегает к похожим средствам, что и при описании Ставрогина в начале: *«точно окаменевшая или восковая. Бледность лица была неестественной»* [Достоевский: 2013, 607]. Автор указывает на ту же характерную черту, какая есть у Ставрогина – маска. Отсылкой к Ставрoгину является и последнее действие Кириллова – укус другого человека.

Таким образом, Достоевский показывает, что учитель стал прототипом для ученика. Кириллов не был безбожником вначале своей жизни, вопрос о Боге

существовал для него всю жизнь, и он решил его в пользу атеизма. Идеи Ставрогина сильно повлияли на него: *«Вспомните, что вы значили в моей жизни, Ставрогин»* [Достоевский: 2013, 236]. Благодаря им душа Кириллова разрушилась, он перестал быть человеком. В конечном итоге Кириллов стал двойником Ставрогина и перевоплотился в неземную сущность. Заканчивая его жизнь смертью, Достоевский доказывает, что идея безбожия ведет к разрушению самого себя и к смерти.

Идейным антиподом Кириллова является студент Шатов. Этих двух героев можно назвать отражениями друг друга. Их жизненные пути перекликаются друг с другом. Они жили вместе в Америке, были представителями одного либерального движения, оба попали под влияние идеи Николая Ставрогина, который для обоих много значил. В настоящем времени действия романа живут в одном доме.

Их судьбы диаметрально противоположны. Они оба стали героями, которых съела идея: *«Это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже навеки. Справиться с нею они некогда не в силах, а уверуют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как в последних корчах под свалившимися на них и наполовину совсем уж раздавит их камнем»*[Достоевский: 2013, 30].

Достоевский на примере двух, зеркально отображенных героев, показывает силу влиянию инородных идей на благодатную почву юных неокрепших умов: *«Я узнал от него, что в то же самое время, когда вы насаждали в моем сердце Бога и родину, – в то же самое время, даже, может быть, в те же самые дни, вы отравили сердце этого маньяка, Кириллова, ядом...»* [Достоевский: 2013, 245].

Ставрогин соблазняет их души новыми верованиями. Оба становятся жертвами его демонических сил, но приходят к разным выводам. Кириллова

поглощает идея о человекобоге, т. е. антихристе, Шатова, поглощает идея о Богочеловеке, т. е. Иисусе Христе.

Несмотря на то, что Ставрогин отравил души обоих разными идеями, и одна из них сама по себе была прекрасна, Достоевский все же убивает и Кириллова и Шатова, потому что идея Богочеловека хотя и понималась Шатовым, как правильная и единственная верная, сам он в Бога не веровал. В его сознании отсутствовала способность, которая и отличает верующего человека от неверующего: *«Я тоже не знаю, почему зло скверно, а добро прекрасно»* [Достоевский: 2013, 251]. Его вера не была разумной и искренней, и потому Достоевский убивает героя со сцены своего романа, показывая, что он ничем не лучше других героев-бogoотступников.

2.2.4. Шигалев и «Общество наших»

Идею человекобога в романе воплощает Ставрогин, как центральная фигура повествования и его двойники Верховенский и Кириллов. Несмотря на существенное преобладание в произведении этих лиц, Достоевский сделал выразителями идеи и других персонажей в романе. Они не являются человекобогами в полном смысле слова, а лишь несут в себе некоторые характерные черты.

В романе, помимо отдельных и самобытных героев произведения, существуют и целые группы персонажей, поддерживающие одну идею и выступающие коллективной организацией. Таковой является «общество наших», как иронично называет его Достоевский. «Пятерка» состоит из пяти постоянных членов и тех, кто находится с ней в каких-либо отношениях. Ее главой является Петр Степанович Верховенский, но он стоит над ее участниками, а не среди них. Постоянными членами «пятерки» являются Липутин, Лямшин, Шигалев, Виргинский, Толкаченко. К обществу примыкает

молодой прапорщик Эркель, который хоть и не входит официально в него, но поддерживает их начинания и играет важную роль в убийстве студента Шатова.

Не все представители играют большую роль в романе. Их участие в идейной стороне произведения и практической стороне продвижения сюжета различно. Одних героев мы встречаем по ходу действия только несколько раз, других видим почти в каждой главе. Достоевский показывает нам, что не каждый герой является самостоятельно значимой единицей в романе.

В целом, общество представляет собой собрание либерально настроенных людей, стоящих на правах крайнего радикализма. Главной их целью является революция, подготовку к которой они пытаются осуществить с помощью склок, междоусобиц, пропаганды цинизма и безверия: *«Каждая из действующих кучек имеет в задаче систематическою обличительною пропагандой беспрерывно ронять значения местной власти, произвести в селениях недоумение, зародить цинизм и скандалы, полное безверие во что бы то ни было, жажду лучшего и, наконец, действуя пожарами, как средством народным по преимуществу, ввергнуть страну, в предписанный момент, если надо, даже в отчаяние»* [Достоевский: 2013, 532-533].

Персонажи в группах представляют собой разные типы людей и играют разные роли в организации. Есть идеологи, одним из которых является Шигалев. Именно в его устах звучит идея нового типа человека – человекобога. Шигалев пишет работу об изучении вопроса о социальном устройстве будущего общества. Согласно своим расчетам, Шигалев приходит к мысли о делении человечества на две неравные части: *«Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений, вроде как первобытного рая»* [Достоевский: 2013, 395].

Несмотря на его убеждение в своей правоте, Шигалев запутавшись в своих расчетах, приходит к единственному возможному выводу из своей теории: *«Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»* [Достоевский: 2013, 394]. Таким образом, герой Достоевского не только сам строит теорию, но и доказывает ее несостоятельность.

Шигалева отличает от других участников кружка преданность идее и рациональное отношение к действительности. Он менее всего подвержен эмоциям и влиянию чужого мнения. У него есть идея, и он следует только ей: *«Я ухожу единственно потому, что все это дело, с начала и до конца противоречит моей программе»* [Достоевский: 2013, 586].

В «пятерке» мы можем видеть и другой тип представителей нового типа людей – это Эркель. Он единственный в группе красного цвета либерализма, кто предан не идее, а человеку. Эркель представляет тип, который был уже намечен Петром Верховенским, – идолопоклонник: *«Фанатически, младенчески преданный «общему делу», а в сущности Петру Верховенскому, он действовал по его инструкциям»* [Достоевский: 2013, 559]. Он неразрывно соединяет идею и человека, и, слепо следуя за ней, приносит жертвы в угоду своего божества.

Помимо героев с идеологической направленностью в «обществе» представлены и другие герои, главной ценностью которых является возвышение себя, а не идеи или человекобога. К такому типу людей относится Липутин. Он предстает нам сотканным из парадоксов. В его личности собраны самые противоречивые характеристики и поступки. Например, он позиционирует себя как атеист, но в начале романа Достоевский упоминает, что Липутин держал всю семью в страхе Божьем. Он выступает против правительства, но состоит у него на службе. Он ненавидит Петра Верховенского, но при этом лебезит перед ним. В конечном итоге, вырисовывая своего героя из не стыковок, Достоевский показывает тип угнетателя, которому важны только его права и свободы.

Другой тип, встречаемый в «обществе наших», – это балаганный шут. Его образ воплощает Лямшин. В отличие от других персонажей, он не претендует на роль человекобога. Нами этот персонаж был выбран в пантеон выразителей идей потому, что любое его появление превращает все вокруг в состояние хаоса и абсурда, которые можно назвать предвестниками апокалипсиса.

Любое появление Лямшина в романе ознаменовывает собой ситуацию неразберихи, цинизма и богохульства. Герой насмехается и издевается над устоями и традициями общества, пытается очернить религиозные догматы и нравственные ценности. В произведении Достоевский рисует несколько ситуаций, в которых мы можем наблюдать поведение героя согласно его характеристикам, представленные нами выше. Например, подкинутые книгоноше, торгующей Евангелием, фотографий фривольного содержания, или «глумительное кощунство» над иконой.

Цель Лямшина – посеять вокруг себя смуту, неразбериху. Для этого он нарушает нормы морали и права, не стесняется использовать грязные методы. Но его поступки отличает то, что они представлены в свете не холодного расчета, а мелкой шалости и издевки.

Два других персонажа группы представлены в романе скудно. О Толкаченко мы впервые слышим во второй половине романа. Каких-либо характерных черт внешности и идеологических предпочтений Достоевский не указывает. Вероятно, именно из-за рационализма в своих рассуждениях, герой остается в конце произведения в живых. Виргинский тоже сквозной персонаж. О нем мы также знаем мало. Его роль в романе не ярко выражена. Он представляет собой тип, отличный от предыдущих героев. Виргинского нельзя назвать человекобогом, потому что в романе он не выдвигает никаких обоснований для этого. Он единственный герой из «общества наших», который не преследует никаких целей и амбиций. Достоевский рисует его, как

выразителя человека, который легко поддается влиянию чужих идей и мнений, но не способен отстаивать их.

Все герои «пятерки» представляют у Достоевского разные типы людей. Они похожи на отдельные составные части личности человекобога. В каждом из героев мы можем увидеть характерные черты Петра Верховенского. В одних преобладает идейное начало, в других тенденции времени и веяния моды, в третьих идолопоклонничество. Исследователи Достоевского указывают на разложение образа Петра Верховенского на составляющие: «писатель упростил его характеристику и передал его идеологический багаж другому лицу» [Мочульский: 1980, 368].

Персонажи «общества наших» не являются самостоятельными единицами. Они все находятся под влиянием Петра Верховенского: *«Петр Степанович играет ими как пешками»* [Достоевский: 2013, 536]. Герои сами осознают свое положение, но страх заставляет их оставаться на позициях «общественный» интересов: *«Чувствовали, что вдруг как мухи попали в паутину к огромному пауку; злились, но тряслись от страху»* [Достоевский: 2013, 536].

Таким образом, все члены «общества наших» представляют разные грани идеи человекобога. Они претендуют на место на вершине нового мироустройства, но не соответствуют требованиям. Поэтому, в конечном итоге, они тоже становятся жертвами демонических начал в романе: впадают в бред, сходят с ума. С другой стороны, бесноватость не настолько съедает их, чтобы герои погибли.

2.3. Отражение идеи Христа как богочеловека в художественной системе романа «Бесы»

В предыдущем параграфе мы раскрыли отражение идеи человекобога в системе образов романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Мы выделили несколько героев, в которых пронаблюдали циркулирование данной идеи и сделали из этого выводы.

В противовес идее человекобога стоит идея богочеловека. Уже исходя из внутреннего строения слова, мы видим, что в человекобоге преобладают человеческие качества над божественными. В богочеловеке, наоборот, индивидуальные, личностные желания уходят на второй план, уступая место смирению, терпению, доброте, любви. Традиционно под богочеловеком понимают Иисуса Христа как единое, слитное воплощение сына божьего.

В романе Достоевского «Бесы» широко представлена идея человекобога, она выражается в целом пантеоне персонажей: Ставрогин, Верховенский, Кириллов, Шигалев, участники «пятерки». Идея богочеловека в романе не имеет ярко выраженных представителей. Она скользит по некоторым героям и имеет небольшие вкрапления в романе.

Николая Ставрогина мы признали главным выразителем идеи человекобога, за ним ее перенял А.Н. Кириллов. Вместе с ним учеником Ставрогина являлся студент Шатов. В нем Николай Всеволодович возвращает противоположные идеи. Из уст Шатова звучит программа Ставрогина о великой миссии русского человека, о православии в России.

В горячем монологе Шатов раскрывает идеи, которые были присущи Достоевскому. Он говорит о православии и набожности русского народа и о его историческом предназначении. В противовес идее спасения человечества путем возведения человека до Бога, Шатов видит ее в следовании библейским заповедям и верности единому Богу – Иисусу Христу. Он видит в нем спасение

и обновление, и это ставит целью всего человечества: « *Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающей и господствующей, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. <...> Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственное лишь искание Бога, и вера в него как в единого истинного*» [Достоевский: 2013, 247]. Шатов излагает путь спасения героев от дьявольских и бесовских начал, но персонажи романа выбирают другие пути и ставят вместо Бога себя или других действующих лиц.

Шатов является идейным пропагандистом, но сам он не относит себя к тем, кто верит. Верующие в романе Достоевского тоже присутствуют, но они не играют больших ролей и в повествовании их незаметно, потому что они составляют лишь малую часть среди разгула бесовщины в романе.

Достоевский включает в повествование образ юродивых. К ним относятся Марья Тимофеевна Лебядкина, Семен Яковлевич, Тихон. Их образы использованы ненавязчиво, в романе они появляются только несколько раз. Они представляют другую сторону в произведении, служат своеобразными катализаторами. С их помощью Достоевский высвечивает остальных героев в их истинном свете. Например, Марья Лебядкина видит в каждом персонаже его суть, которая скрыта под внешней личиной. Так, своего брата она называет лакей, Ставрогина – князь, Дарью Павловну – ангел. Ее видение отличается от общепринятого. Она показывает всех, кто с ней общается в своей часто естественной, «надмирной» сущности.

Юродивый в православной церковной традиции – подвижник, тайно принявший на себя из подвигов христианского благочестия «юродство ради Христа», которое заключается в отказе от мирских благ и общепринятых норм жизни. Слово «юродивые» происходит от греческого и переводится как

сумасшедший. В русской культуре под юродивыми зачастую принимали людей, не имеющих разума и терпящих в смирении презрения и телесные лишения.

Герои романа соответствуют определению. Достоевский указывает на их психические отклонения и физические недостатки. Действующие лица и сами отмечают странности в их поведении и относят это к «проблемам с головой».

Юродивые в романе являются противоположностями к человекобогам. Они умеют сострадать, любить, делать добрые дела. В каждом из них ярко выражено смирение, которого не хватает другим героям-бунтовщикам. Так, например, Лебядкина терпеливо сносит побои от своего брата.

Юродивые являются выразителями общечеловеческих ценностей. Они делят мир по каким-либо критериям и считают, что каждый за каждого в ответе: *«Согрешив, каждый человек уже против всех согрешил, и каждый человек хоть чем-нибудь в чужом грехе виноват. Греха единичного нет. Я же грешник великий, и, может быть, более вашего»* [Достоевский: 2013, 688]. В них живет добро и всечеловеческая любовь, они верят в свет и следует к нему. Даже герои, зараженные бесовщиной, признают их превосходство, их добродетели: *«Я в самом деле ее уважаю, потому что она всех нас лучше»* [Достоевский: 2013, 186].

Юродивые также как и человекобоги страдают нервными болезнями. У них случаются припадки: *«У сестрицы припадки какие-то ежедневные, визжит она»* [Достоевский: 2013, 97], судороги: *«углы губ его задергались, как давеча, и едва заметная судорога опять прошла по лицу»* [Достоевский: 2013, 691] *«болезненная судорога прошла по его лицу»* [Достоевский: 2013, 693]. В их образе тоже прослеживаются черты бесноватых, но они смиренно принимают их и склоняют голову, уповая на Бога. Человекобоги же пытаются бороться, отвергая Бога и ставя выше разумные начала и человека.

Роман Достоевского наполнен атеистическими идеями, которые пропагандируют почти все герои. Но склоняются они в сторону веры в Бога или

в богоотрицание, в центре их размышлений стоит Бог. Тихон в «ненапечатанной» главе говорит о том, что даже *«совершенный атеист стоит на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры (там перешагнет ли ее, нет ли), а равнодушный никакой веры не имеет, кроме дурного страха»* [Достоевский: 2013, 668].

В этой темной мессе безверия встречаются и островки набожности. Они проявляются в отдельных поступках или в отдельных словах героев. Например, при богохульстве с иконой Лизавета Николаевна пожертвовала серьги на ризу и преклонила колени перед оскверненной святыней. Софья Матвеевна, продававшая Евангелие, была с умирающим Степаном Трофимовичем. Помогала ему и содействовала, хотя у нее самой были другие планы. Дарья Павловна собиралась стать сиделкой для Ставрогина или кого-либо другого, чтобы приносить пользу людям. Даже в отрицательных героях, преступниках, Достоевский показывает наличие божьей искры. Например, образ Федьки Каторжного раскрывается не как полностью негативный. В разговоре с Петром Верховенским он укоряет того за неверие. На что Верховенский приводит пример «обдирания» Федькой Каторжным образа Пресвятой Богородицы. Но Федька в отличие от него видит разницу в своем поступке и его. Он говорит, что *«я только зеньчуг поснимал, и почем ты знаешь, может, и моя слеза перед горнилом Всевышнего в ту самую минуту преобразилась, за некую обиду мою, так как есть точь-в-точь самый сей сирота, не имеющая насущного даже пристанища. <...> А ты пустил мышь, значит, надругался над самым Божиим перстом»* [Достоевский: 2013, 545-546]. Тем самым Достоевский даже среди преступников выделяет тех, в ком вера еще не потеряна совсем.

В истории с Федькой Каторжным раскрывается еще проблема ответственности людей друг за друга. Степан Трофимович проиграл Федьку в карты, не придав значения тому, что и крепостной является личностью. В романе в целом проходит нить размышления о том, что безверие идет от

образованных людей, баричей: *«В русском народе до сих пор не было цинизма, хоть он и ругался скверными словами. Знает ли, что этот раб крепостной больше себя уважал, чем Кармазинов себя? Его драли, а он своих Богов отстоял, а Кармазинов не отстоял»* [Достоевский: 2013, 411-412]. Достоевский указывает на коллективную общность России, а не индивидуальную. Там, где преобладают личные интересы, теряется вера в Бога.

Из таких маленьких событий складывается сюжетная канва романа. Они не слишком заметны в сюжетной составляющей произведения, но являются теми небольшими светлыми событиями, которые преображают суровую действительность Достоевского и дают шанс на спасение человека. Те, кто действительно верят и находят в себе силы сопротивляться человекобожественным началам, в романе остаются живы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главной идеей, отразившейся во всем творчестве Достоевского, является идея Бога. Во всем «пятикнижии» писатель размышляет о природе и истоках божественной веры и причинах атеизма. Он выделяет отдельного героя из общей массы персонажей и исследует его, как ученый через микроскоп. В своих произведениях Достоевский ставит в центр великого грешника и путем прививания ему идей рационализма, идеализма, гуманизма пытается дать ответы на вечные русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». Достоевский выделяет отдельные типы людей, которые проводит через испытания верой и действительностью. Главным предметом его научного интереса является человек и его душа.

Центром нашего исследования становится роман Ф.М. Достоевского «Бесы». В частности, отражение идеи человекобога в нем. В творчестве Достоевского данную идею принято трактовать с религиозных позиций. В образе человекобога Достоевский зашифровывает антихриста. Подтверждение этому мы находим в образной системе романа.

В ходе исследования текстового пространства романа Ф.М. Достоевского «Бесы» нами были выбраны отдельные персонажи, в которых выражается идея человекобога. Главным героем произведения является Николай Ставрогин. В его образе в полной мере выражена идея человекобога. Достоевский на разных пластах построения образа своего героя использует религиозные реминисценции. Начиная с внешнего облика Ставрогина, в котором прослеживаются черты змея, Достоевский отмечает и внутренние характерные черты антихриста: эгоистичность, равнодушие, тщеславие, гордыня. Образ Ставрогина становится центробежной силой в романе. В нем признают романтическое и загадочное лицо, им восхищаются, ему подражают, его ненавидят, но равнодушно относящихся к нему нет. Оно околдовывает людей,

заставляет их поддаться собственным страстям и желаниям. В образе Ставрогина присутствуют и мистические черты, которые дают обоснования той силе и власти, которую он имеет над людьми.

Достоевский делает Ставрогина не единственным персонажем романа, в ком выражена идея человекобога. Он использует разветвленную систему двойников и отражений Ставрогина. В произведении многие герои являются последователями Ставрогина, его учениками. Они ставят в центр своего мироздания человеческий образ, а не божественный и, поклоняясь идолу, разрушают себя изнутри.

На роль человекобога претендуют еще несколько персонажей в романе – это Алексей Кириллов, Петр Верховенский, Шигалев и «пятерка». Достоевский рассказывает на их примерах историю человеческого падения.

Кириллов является главным идеологом в романе. Под воздействием учений Ставрогина душа Кириллова разлагается. И если в начале романа он был инженер, строитель мостов – созидатель, то стал разрушителем, мертвой личиной без души. Кириллов мучается вопросом о существовании Бога. Он пытается разобраться, найти ответы на вопросы, которые его мучают, но под влиянием бесовских начал принимает ложную теорию о человекобоге за единственно верную и истинную. Он создает теорию, согласно которой в центр нового мироустройства ставит человека. Исходя из потребности в новом Боге и отрицании его существования, Кириллов делает вывод о своей божественности. Следуя за своей теорией, он разрушает себя, и в конечном итоге способствует не только самоубийству, но и убийству, – т. е. совершению двух смертных грехов.

Петр Верховенский тоже пытается поставить себя на место человекобога. Он тоже, как и другие персонажи, поклоняется идолу – Николаю Ставрогину. Верховенскому Достоевский дает наиболее яркую характеристику внешности, соотносимую с идеей человеческой божественности. Верховенский ставит себя

выше других и пытается перестроить мир, согласно которому он окажется на самом верху.

Более мелкими выразителями идеи человекобога является «пятерка» Верховенского. В ее состав входят самые разные представители общества, которых объединяет общая идеологическая программа либерализма. Они представляют тип новых людей, воспитанных на западных идеях и пропагандирующих мир без духовных и нравственных ценностей. Они не все являются яркими представителями идеи человекобогов: в Шигалеве выражены идейные обоснования, в Липутине – тиранические, в Эркеле – идолопоклоннические. По своей сути, каждый из них представляет отдельный осколок идеи человекобога, но никто в целостности.

Таким образом, мы пришли к выводу, что идея человекобога занимает в романе центральное место. С ней соотносятся герои, их мысли, воззрения, поступки. Достоевский показывает эволюционное развитие человека, в котором одни герои перебарывают пропагандируемые идеи и личностные страстишки, а другие становятся их заложниками. От выбора каждого героя зависит его жизнь и жизнь окружающих его людей. На примере Ставрогина, Верховенского, Кириллова и многих других Достоевский рассказывает историю нравственного и духовного падения. Герои, пропагандирующие атеизм, погибают в романе, но на их примере Достоевский пророчески предупреждает о возможном построении нового царства, в котором «человекобог» приблизит Апокалипсис.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов С.В. Ф.М. Достоевский. Энциклопедия. – М.: Просвещение, 2010. – 743 с.
2. Белов С.В. Имена и фамилии и у Достоевского // Телескоп. – 2014 – №6 (108). – С.42-43.
3. Беляев Д.А. К вопросу о понимании идеи сверхчеловека в философии Ф. Ницше // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №4. – С. 42-44.
4. Бем А.А. О Достоевском. Избранные работы / А.А. Бем. – М.: Юрайт, 2018. – 171 с. – (Серия: Антология мысли).
5. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. – М.: Хранитель, 2006. – 238 с.
6. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – 527с.
7. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С. 32-74.
8. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 417 с.
9. Достоевский Ф.М. Бесы: Роман. – Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 704 с. – (Мировая классика).
10. Достоевский Ф.М. Записки из подполья. – М.: Эксмо, 2014. – 640 с. – (Библиотека всемирной литературы).
11. Достоевский Ф.М. Письма. Книга вторая / Ф.М. Достоевский. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 533 с.
12. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т.3: Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 716 с.

13. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 7. Части I-III.: Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 641 с.
14. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 9 т. Т.8. Часть IV. Эпилог.: Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 657 с.
15. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. – СПб.: Наука, 1996. Т. 15. – 861 с.
16. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX – XX веках. Часть 1. – СПб.: «Алетейя», 2000. – 415 с.
17. Еромаленко С.И., Тарасенко Т.Ю. Еще раз о «пропущенной» главе «Бесов» Ф.М. Достоевского // Филологический класс. – 2014. – №1(35) – С. 144-147.
18. Знаменский С. П. «Сверхчеловек» Ницше [Электронный ресурс] // Ницше: pro et contra. – СПб, 2001. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/look/century/znamenski/> (дата обращения: 15.03.2019).
19. Иванов В. И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
20. Исаченко Н.Н. Идея «сверхчеловека» в философском дискурсе // Фундаментальные исследования. – 2014. – №11 (часть 9). – С. 2086-2089.
21. Кийко Е.И. Комментарии: Ф.М.Достоевский. Записки из подполья // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 4. – С. 764—772.
22. Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Краткий философский словарь. – М.: АСТ, Слово, 2010. — 480 с.
23. Кузанский Н. Об ученом незнании. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 157.
24. Лесевицкий А.В. Образ человека будущего в романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» // Future Human Image. – 2014. – №4. – С. 279-293.
25. Мелетинский Е.М. Заметки о творчестве Достоевского – М.: РГГУ, 2001. – 190 с.

26. Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. – М., "Советский писатель", 1991. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1906_prorok_revolutzii.shtml (дата обращения: 22.03.2019).
27. Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество. – Париж: YMCA-PRESS, 1947. – 561 с.
28. Никольский С.А. Достоевский и явление «подпольного» человека // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 77-87.
29. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2 – С. 5 – 237.
30. Одинокое В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. – Новосибирск, 1981. – 144 с.
31. Православная богословская энциклопедия. Том II. Археология-Бюхнер. – Петроград: Тип. А.П. Лопухина, 1901. – 671 с.
32. Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, М.А. Маслин, А.П. Поляков. – М.: Алгоритм, 2007. – 1075 с.
33. Салтыков-Щедрин М. Е. – Собрание сочинений в 20 томах. М.: Художественная литература, 1965. Т. 2. – 559 с.
34. Сараскина Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990. – 480 с.
35. Сараскина Л.И. Достоевский / Людмила Сараскина. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 825 [7] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биограф.; вып. 1407).
36. Скрипник А.В. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского: жанровая характеристика и особенности создания героя // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 27-33.
37. Соловьев В. С. Сочинения в 2 томах. – М.: Мысль, 1990. – 650 с.

38. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 500 с.
39. Фридендер Г.М. Реализм Достоевского. – М.-Ленинград: Наука, 1964. – 405 с.
40. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том IА (2) Алтай-Арагвай. – СПб.: Семеновская Типолитография, 1890. – 485 с.